

Вместо предисловия

Моя молодость закончилась в двадцать пять лет. Я хорошо помню тот теплый день 26 мая 2014 года. Украина впервые бомбила Донецк. Самолеты громко отстреливали тепловые ловушки, заходя на очередной смертельный вираж прямо над крышей моего дома и нанося удары по городу.

Моя молодость закончилась в двадцать пять лет. Сыну на тот момент было четыре года. Мы с ним боялись выйти на улицу и почти всегда находились в доме или спускались в подвал. Однажды он спросил меня, почему никто из его друзей так долго не приходит к нему играть. «Потому что Анечку увезли», — ответила я. Сын сжал свои маленькие кулачки и, по-мужски сдерживая слезы, прошептал: «А ты не обманываешь? Аню не убили?» Мне до сих пор сложно передать словами то, что я тогда почувствовала.

Моя молодость закончилась в двадцать пять лет. От моего дома до донецкого аэропорта не больше пяти километров по прямой. Приблизительно столько же до Пёсок, Марьинки и Авдеевки. Обстрелы стали обычным делом. Во время одного из них на глазах у собственной пожилой матери погибла соседка Елена. Ей не было и сорока. Она пришла с ночной смены и не успела зайти в дом. Дочь Лены, школьница, осталась сиротой.

Моя молодость закончилась в двадцать пять лет. О чем вы мечтали в свои двадцать пять? Наверное, об успешной карьере, путешествиях, новых интересных знакомствах? Я, как и все вокруг, мечтала о мире! И еще... О шампуне. Обстрелы, отсутствие городского транспорта, блокада товаров. Прихожу в магазин. Счастливая! Добралась живой! Мне нужен шампунь, еще мгновение — и мое маленькое желание исполнится. «Ничего нет. Только “Домэстос” (бытовая химия). Будете брать?» — отвечает продавщица на мой запрос. Поднимаю глаза — на всех полках действитель-

но один «Домѣстос». Ухожу ни с чем, расстроенная. Я же девочка. Мне двадцать пять. Я хочу мира. И чтобы в этом мире все было красивым. Но тогда я даже не подозревала, что скоро начну мечтать о глотке воды, миске горячей еды и о спокойном сне.

Я могу написать еще много историй из своей жизни и жизни военного Донецка. И все они будут наполнены той горькой правдой, которую никто не любит читать. Кому, кроме меня, интересно, что моя молодость закончилась в двадцать пять лет? Где же вы, правозащитники? Налетайте! Выходите на митинги! Защитите меня! Я жду вас! Я тоже человек. Просто из русского Донбасса.

Мама сказала писать

Именно так. С самого детства она говорила мне о красоте литературного слова и гармонии его величественного звучания. Но особенно подчеркивала важность информации, которую передают писатели, и ответственность каждого автора за рожденное им слово.

«Пиши о нас. Пиши так, чтобы даже через десятки лет понятно было всем и каждому, как мы жили в это время. Пиши просто о сложном, как душа ведет. Главное — искренне и честно», — вновь и вновь повторяла мама. И я стала писать.

*2014. Трещина
Июнь 2014 г. Донецк*

Дети

Во всех районах Донецка появились машины с надписями «Дети». На лобовых и задних стеклах. На белых офисных и школьных альбомных листах. На тетрадных

разворотах в клетку и линию. Написанные шариковыми ручками, маркерами и красками. Отпечатанные на принтерах и в типографиях. Люди спешат уберечь самое дорогое — своих детей.

Все понимают друг друга без слов. Мчась по городу, стоя в очередях на заправках, проводя часы и сутки среди многокилометровых автомобильных пробок на выезд из Донецка — понимают.

Совсем скоро станет меньше машин с надписями «Дети». Ребят увезут из города. В Донбасс пришла война.

Июнь 2014 г.

Донецк. Кировский район. Частный сектор

Опять

Поселковому старожилу дедушке Толе восемьдесят шесть лет. Маленький, худенький, согнутый в плечах неумолимым временем, он всегда выглядит оптимистом и любит общаться. Дедушка помнит не только военное детство и важные события, но также имена политических деятелей и генсеков СССР.

Чаще всего мы видим его в окружении любимых козочек по дороге к пастбищу или обратно. Всякий раз парнокопытные норовят забрести в любой соседский огород, надеясь полакомиться его урожаем. Старик покрикивает на них, для остротки грозя палкой, и те успокаиваются. Примечательно и то, что дедушка Толя не шагает, а как бы скользит по земле, одновременно семена и шаркая ногами. Передвигаясь по заданному маршруту, он успевает поговорить со всеми, кто встречается на его пути, и так узнаёт новости. Сегодня ему повстречалась я.

— Шо, опять война? — спросил он на местном суржики и замер в ожидании ответа, повернув ко мне ухо со слуховым аппаратом.

— Война, дедушка, — наклоняясь к собеседнику, громко сказала я.

— Ох, беда, — покачал головой старик, вздохнул и заторопился в сторону поляны. Когда-то там находилось футбольное поле. Козочки последовали за своим пастухом. Молодняк резвился, и дедушка Толя покрикивал на него, все так же грозя для острастки палкой.

3 июня 2014 г.

Красный Лиман. Донецкая область

«ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ ВЫШНЯГО»

Еще недавно Красный Лиман слушал канонаду боевых действий со стороны Славянска, а теперь сам был атакован ВСУ. Женщина с прекрасным именем Мила вот уже несколько месяцев ухаживала за своей престарелой мамой, перенесшей ишемический инсульт и прикованной к постели. Они спокойно разговаривали о чем-то своем, когда где-то очень близко упали снаряды, слышался гул авиации и длинные автоматные очереди. Это было наступление украинской армии на город.

— Дóця, хова́йся, цэ война и до нас прыйшла, — дрожащим голосом произнесла старушка. — Я вже пожила свое, а ты бежы́.

— Мама, ну что ты такое говоришь... Как же я брошу тебя...

— Правильно я все кажú. Ты со мной, парализованной, ничего не зрóбыш, я понимаю. Бежы́. Спасайся. А я тут буду, шо Бог даст.

В обесцвеченных годахи глазах старушки блестили слезы. Мила смотрела в них, пытаясь подобрать нужные слова, и ее сердце сжималось от печали. За окном светило яркое солнце и вдалеке зловещим ревом гремела артиллерия. Цвели пионы, и где-то рядом одиночные ствольные

выстрелы сотрясали воздух. Созревала клубника. Наливалась соком черешня. Кошка прятала котят. С неба падал металл, и дым застилал горизонт. Город опустел. Время остановилось.

— Мамочка, все будет хорошо, — шептала Мила. — Куда же я без тебя. Вот сейчас возьму молитвослов и будем молиться. Я вслух читаю, а ты слушай.

Мила поправила маме подушки, удобно подоткнула одею, задернула занавеску на окне и взяла в руки старенький потертый молитвослов, подарок батюшки, отца Сергия. Присев напротив кровати, она начала читать девяностый псалом. «Живѣй в помощи Вышняго...» — распевно зазвучало по хате. Старушка внимала каждому слову и крестилась своей здоровой правой рукой. Мила иногда посматривала на нее, горло сдавливали страх и боль, слова в этот момент выходили глухими и неразборчивыми. «Спаси, Господи, люди твоя...» — лился вперемешку со слезами любимый тропарь. Наступление набирало обороты. От каждого очередного взрыва Мила вздрагивала и прятала дрожащие ладони под книгу, лежащую на коленях. Страницы «оживали», и буквы начинали плясать перед глазами, повторяя дрожь пальцев.

— Мама, постарайся уснуть, ты ведь устала. — Мила закрыла молитвослов, подошла к постели и, стараясь выглядеть спокойной, погладила седую голову испуганной матери. — А я еще помолюсь...

Сколько времени прошло, неизвестно. Когда Мила погасила лампаду, старушка тревожно спала, а за окном наступил вечер.

Бомбежка закончилась. Звуки боя слышались уже где-то на окраинах. Потом выяснилось, что в результате атаки ВСУ сильно пострадала железнодорожная больница города. Там не осталось ни одного целого окна, частично сорвало крышу. На своем рабочем месте осколком в голову

был ранен ведущий хирург. Он умер, не приходя в сознание. Серьезные повреждения получили здание вокзала и жилые дома в частном секторе, а сам город оказался под контролем украинской армии.

Следующей ночью Мила долго не могла уснуть, ей все слышались разрывы снарядов и слова мамы: «Дóця, бежы... Спасайся...»

Третьего июня 2014 года ВСУ вошли в Красный Лиман. Героини этой истории — мои мама и бабушка.

12 июня 2014 г.

Трасса Снежное — Саур-Могила

МАТЬ И СЫН

Четырнадцатилетний Толик, с осколками в спине и под правым ребром, пошатываясь, стоял у края дороги. Украинский военный, бросивший гранату в автомобиль, где находилась семья подростка, приставил к его голове автомат.

«Хотят убрать свидетеля», — понял Толик. У него был только один шанс спасти свою жизнь, и он им воспользовался. Мальчик громко сказал военному, что успел сообщить матери о произошедшем и ей известно, где он находится.

Это сработало. Военный опустил оружие.

Через некоторое время, широко раскинув руки, словно пытаясь защитить подростка размахом материнских объятий, к Толику бежала Наталья. Она уже знала горькую правду: теперь у нее остался один сын.

...В начале лета Снежное стало часто подвергаться обстрелам. Многие семьи покидали город. Спасались. Алексей Сербиненко тоже принял решение обезопасить своих детей — пятнадцатилетнюю Елизавету и четырнадцатилетнего Анатолия. На старенькой машине отец

повез их к бабушке в село Артёмовка, находящееся под украинским контролем.

Около трех часов дня семья выехала из Снежного и направилась по трассе в сторону Саур-Могилы. По дороге Лиза беззаботно разговаривала с одноклассницей по телефону. Когда до блокпоста Вооруженных сил Украины оставалось двести-триста метров, оттуда по автомобилю начали стрелять.

Украинская граната попала прямо в машину. Она съехала с дороги в поле и остановилась. Погибли все, кроме Толика.

Одноклассница Лизы позвонила Наталье Сербиненко, матери ребят, сказав, что подруга почему-то не отвечает на звонки. Наталья тоже пыталась связаться с дочерью, сыном и мужем. Их телефоны были недоступны. Вскоре телефон Толика включился. Он попросил маму держать себя в руках и только потом сообщил о смерти отца и сестры. О своих ранениях он умолчал.

Подростка вместе с мамой вертолетом доставили в Днепропетровск, где Толику провели операцию. Несмотря на пережитое, все прошло без осложнений. Матери и сыну предложили остаться на Украине. Они отказались. Толик и Наталья вернулись в Донбасс. Они слишком хорошо помнили, кто убил их родных.

16 июня 2014 г.

Донецк. Кировский район. Частный сектор

Светомаскировка

Фонари нашего поселка погасли. Они больше не будут работать. Нельзя. Линия боевого соприкосновения проходит по окраинам района.

«Стало ближе звездное небо», — пыталась пошутить я. «Мама, мне страшно», — отвечал маленький сын.